

Eesti Kirjandusmuuseum
ESTONIAN LITERARY MUSEUM

Цэнтр даследаванняў беларускай
культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук
Беларусі

EESTI
ARENGUKOOSTÖÖ

Международный научный семинар
«Миссия выполнима.
Перспективы изучения фольклора – 3»

5 сентября 2017 г.

г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, зал 302

9.00-12.30

Николай Кузнецов. Сотворение мира в коми мифологии

Татьяна Володина. Фразеология и магические практики в контексте антропо- и космогонических легенд (белорусская традиция на европейском фоне)

Пирет Воолайд. Новая визуальная жизнь шуточных вопросов в Интернет-мемах

Эда Калмре. Девические рукописные любовные рассказы: история и развитие

Лийси Лайнесте. Современная девушка в эстонских карикатурах межвоенного периода (1920-1939)

Андрес Куперьянов. Сито в религиозном предании

Перерыв на обед

13.30-15.30

Маре Кыйва. Лиллеору – новый образ жизни и религиозный ландшафт

Елена Боганева. Некоторые белорусско-эстонские параллели в сюжетно-персонажных системах мифологии и народного христианства

Катре Кикас. Кампании по сбору фольклора 19-го века. Что мотивировало непрофессиональных собирателей (коллекционеров) фольклора?

Тынно Йонукс. Современный вклад на священных местах Финляндии и Эстонии

Резт Хийемаэ. Не-места в роли священных мест

Дискуссия

Семинар организован совместно Эстонским литературным музеем и Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Мероприятие является частью проекта, финансируемого Министерством иностранных дел Эстонии из бюджета по сотрудничеству и развитию и Эстонской Академией Наук.

Семинар осуществлен при поддержке Министерства образования и науки Эстонии (институциональный исследовательский грант IUT22-5) и Фонда регионального развития ЕС (Центр компетенции по Эстонским исследованиям ТК 145).

**Семинар „Миссия выполнима:
Перспективы изучения фольклора 3”
Тезисы**

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры.
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі
г. Минск, ул. Сурганова, 1, корп. 2, зал заседаний 302
5. сентября 2017. г.

Tartu 2017

Семинар организован совместно Эстонским литературным музеем и Центром исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси. Мероприятие является частью проекта, финансируемого Министерством иностранных дел Эстонии из бюджета по сотрудничеству и развитию и Эстонской Академией Наук.

Семинар осуществлен при поддержке Министерства образования и науки Эстонии (институциональный исследовательский грант IUT22-5) и Фонда регионального развития ЕС (Центр компетенции по Эстонским исследованиям ТК 145).

Николай Кузнецов
Сотворение мира в коми мифологии

Прежде земли и неба не было, а было болото и на нём кочки. Ни зверей никаких, ни птиц, ни человека тоже не было. Не было и солнца с луной...

Одним из основных мотивов в коми космогонических мифах является мотив ныряющей птицы, достающей со дна океана материал для создания земли и пр. Мотив имеет различные варианты. В образе птиц зачастую предстают создатели мира *Ен* и *Омоль*. В результате конкурирующей деятельности двух демиургов появляется земля и её обитатели, устанавливается определённый космический порядок. Помимо наиболее распространённых мотивов, в коми мифологии имеются также мифы, в которых земля появляется без участия демиургов.

Татьяна Володина

Фраσεология и магические практики в контексте антропо- и космогонических легенд (белорусская традиция на европейском фоне)

Белорусская народная антропология свидетельствует о знании библейского текста, однако чаще демонстрирует его фольклорные адаптации и комментирование в русле традиционных воззрений и морали. Кроме того, органичное переплетение библейских реплик с архаическими мифологическими схемами обуславливает ряд магических, народномедицинских, обрядовых практик. Ряд устойчивых выражений также начинает отсвечивать в контексте легенд новыми семантическими гранями.

Piret Voolaid

Новая визуальная жизнь шуточных вопросов в Интернет-мемах

/The new visual life of joking questions in Internet memes

One of the most viable subgenres of riddles are humorous joking questions or conundrums. In their short, dialogic form, they are well suited for expressing vernacular views. They are very often born and disseminated as newslore, being a reaction to daily (political or other) events. The dynamics of the genre in social media shows a move towards illustrating and visualising. A characteristic feature of these multimodal and -medial memetic representations is their literary, digital, folk visual quality.

In the presentation, I seek answers to the following questions:

- Which conundrums are illustrated and how?
- How often does inspiration come from the pre-digital period and in what way?
- What does visualisation add to the traditionally verbal joking questions in aesthetic and emotional sense (is the image merely an illustration to the text or do the verbal and the visual constitute a new whole?)

The material for the presentation is collected from the Estonian popular humour site meeldib.ee. This is open for all registered users who can post jokes, photos, videos, which have to be "their own intellectual creation". For a folklorist, this is anonymous folklore where the different layers of authorship are impossible to differentiate. The material is viewed to the backdrop of the database "Estonian riddles" (ca 25 000 texts; www.folklore.ee/Keerdkys, Voolaid 2004)

Eda Kalmre Self-created Love Stories in Girls' Romantic Culture: History and Evolution / Девические рукописные любовные рассказы: история и развитие

In the Soviet Union, the girl's handwritten prose about romantic love is a genre that was practiced by teenage girls. We may classify these stories as remaining on the borderline of naïve literature and (album) folklore.

Some researchers date the emergence of girls' love manuscripts as a genre to the romantic epoch of the 1950s–1960s. Others believe it existed much earlier as an unofficial, non-canonical form of folklore; at the same time, however, the stories were not collected at that time and have only recently caught the attention of researchers. This is also why much information about this genre has simply been lost. The empirical material collected and stored in the Estonian Folklore Archives allows to suggest that the handwritten romantic prose stories by girls became widespread in Estonia during the postwar period; they were copied from one another, and read over and over again.

While in earlier times love stories circled among small closed groups of girls, today the unlimited possibilities offered by the new media and Internet, have made them considerably more popular and widespread. My paper is based on interactive love stories collected from 12 to 16-year-old Estonian girls' blogs starting from 2010, and partly also on girls' manuscript material from the second half of the 20th century, employed mainly to provide a historical and comparative perspective to the contemporary interactive material.

While observing the role models and the origin and transformation of these narratives, I attempt to demonstrate how the imagery of romantic love and happiness in the girls' creation have changed. I also intend to show how the Western culture, including popular culture and new media, is constantly providing models for gender and dyadic roles and has thereby changed girls' romantic culture.

Liisi Laineste

The Modern Girl in Estonian Interwar Caricatures (1920 – 1939)/ Современная девушка в эстонских карикатурах межвоенного периода (1920–1939)

Women present a commonplace Other in textual jokes as well as visual forms of humour. Scholars have pointed out that gender is among the most recurring humour targets, side by side with ethnic and political humour (first described by Winick 1976). Similarly to ethnic humour, gender humour is also based on the juxtaposition of „us" and „them", and as joke-tellers as well as cartoonists were men during the period under surveillance in this study, it is the female character who fills the inferior role of the „other". This male dominated perspective in gender humour has been frequently analysed by different authors (e.g. Shifman 2010), most often from the feminist point of view. Analyses of sexist humour gain a lot from sociological and linguistic studies on the stereotypes embedded in public discourse. Also comical visual representations of women often reproduce and maintain deeply rooted gender stereotypes. The results from these studies have shown that gender representations are grounded in deep-rooted constructions of femininity and masculinity which are based on binary as well as hierarchical oppositions (Van Zoonen 1994). Until very recent times, a woman in Western culture conveys an image of an emotional, unreliable, dependent being who can only be evaluated on the basis of her appearance and sexual attractiveness, not her actions (Lemish 2008). These stereotypes end up in sexist jokes that implicitly or explicitly target and ridicule women, emphasizing their inferiority in comparison to men, employing traditional stereotypes in which women are portrayed as stupid, dependent, illogical, and nagging sexual objects. This kind of humour suggests not only that men and women are different (as does feminist and post-feminist humour as described by Shifman 2010), but also indicates that there is a clear hierarchy positioning women as inferior to men. In this light, it is quite predictable that these ideas were widespread in the Estonian interwar caricatures.

The paper strives to describe the main stereotypes used about the gendered Other in Estonian interwar caricatures (a period that can be viewed as the "first Republic" of Estonia between the two World Wars), extracting the more frequent categories from the material by content analysis, and then continuing to a comparative and sociological approach towards the hotspots in the material.

Андрес Куперьянов

Сито в религиозном предании

Сито, решето (*sõel*) и некоторые диалектные формы этого слова являются в Эстонии единственным наименованием созвездия Плеяд, являющегося самым известным объектом звездного неба в народной астрономии эстонцев. В то же время сито является существенным и с точки зрения верования. В более чем 150-тысячном текстовом ввводном корпусе архивных данных отдела фольклористики Эстонского литературного музея насчитывается около 400 текстов, содержащих слово *sõel*, из них текстов с астрономическим уклоном около 130, в которых *sõel* (сито) упоминается как средство определения времени и небесный календарь, а также средство предсказания. Остальные тексты связаны с магическими свойствами сита, например, магическое воздействие дыма, проходящего через сито, просеивание золы, промывание денег, предсказание при помощи сита и ножниц для стрижки овец и т. д. Довольно интересной частью предания является также «носить воду в решете».

Маре Кыйва

Лиллеору – новый образ жизни и религиозный ландшафт

Современные религиозные и духовные движения образуют целостную совокупность верований, взглядов и практик, они объединяют различные традиции и дискурсы. Явления, образующие сплав подобных практик и мировоззрений, Арджун Аппадураи охарактеризовал термином «глобальный этноскейп» (*global ethnoscape*), «который больше невозможно с легкостью локализовать, но вместо этого он все больше становится связан с глобальным распределением людей, групп и воображения, характеризующихся движением и интерактивностью». В то же время связанные между собой, влияющие друг на друга и имеющие глобальное распространение явления также характеризуют термины «транснационализм» и «транслокальность». Ни одно из перечисленных выше явлений не является новым, а, скорее, уже существующие явления заметно ускоряются, приобретают новые черты и становятся более рельефно заметными в современном обществе. Я веду наблюдение за так называемым феноменом «этноскейп» на примере коммуны Лиллеору, расположенной на севере Эстонии; рассматриваю функционирование духовного сообщества Лиллеору в качестве центра саморазвития, создания священного пространства коммуны и характеризую ее функционирование в качестве общества. Коммуна Лиллеору начала формироваться в 1992 году вокруг Ингвара Виллидо (год рождения 1962).

Елена Боганева

Некоторые белорусско-эстонские параллели в сюжетно-персонажных системах мифологии и народоного христианство

«Народная Библия» как отдельное исследовательское направление в современной гуманитаристике. Белорусская и эстонская «народные Библии».

1. Определение «народной Библии»
2. История изучения фольклорных Библий в Западной и Восточной Европе в конце XX - начале XXI веков (краткий обзор)
3. Видо-жанровый состав белорусской «народной Библии»
4. Некоторые параллели белорусской и эстонской «народных Библий».

Катре Кикас

The folklore collecting campaigns of the 1890s. What motivated non-professional folklore collectors? / Кампании по сбору фольклора 19-го века. Что мотивировало непрофессиональных собирателей (коллекционеров) фольклора?

In Estonian history books, the 19th century is usually referred to as 'the era of national awakening'. A significant aspect of this awakening was the Romantic (Herderian) idea of folklore as the mirror image of 'the soul of the nation' which intensified interest in the folklore of the peasants and prompted various societies and persons to organize collecting campaigns. The most active phase of folklore collecting was in the 1890s when thousands of ordinary people participated in the campaigns organized by Jakob Hurt (1893-1907) and Matthias Johann Eisen (1857-1934). The result of these activities was about 200,000 pages of writings, now being held in the Estonian Folklore Archive.

Though the backgrounds of the collectors of these materials varied, quite a large number of them had received only the minimum of three years of schooling. In my paper I am going to ask what motivated those lowly educated people (who are usually called local or non-professional collectors) to participate. There are two possibilities to answer this question.

One is to study the letters those people added to their collected materials. In these letters we can see several, often quite contradictory motivators at play. On the one hand, they stress the symbolic importance of the campaigns and state that the participation is their 'national duty'. On the other hand, many of them have different requests for Hurt or Eisen (they ask for help in finding a new job, for example). In some cases those symbolic and practical motives are quite tightly tangled up.

Besides assessing motivators stated in the letters, we can also look at the wider picture regarding the position of folklore collecting campaigns in the contemporary culture. We can see that participating in these campaigns gave lowly educated collectors access to several cultural domains which were not so easily accessible otherwise. For example – as the campaigns were organized through newspapers, collecting provided them with opportunities to participate in public literary space. On a more general level, the campaigns enabled them to use their writing skills and prove that they belong in the enlightened part of the society; several collectors took that possibility to create a writerly identity for themselves.

Тынно Йонукс

Contemporary deposits at sacred places in Estonia and Finland / Современный вклад на священных местах Финляндии и Эстонии

Leaving of contemporary deposits at various sites has recently increased across Europe, among other countries also in Estonia. There are very different reasons why ribbons are tied to branches or coins and candles, seldom more personal objects, deposited at stones, springs or other natural places. This is a co-operation study to compare contemporary deposits in Finland and Estonia. Both countries are usually described as very similar, with common linguistic, cultural and ecological background. However, analysing of contemporary deposits shows significantly different understanding to the contemporary pagan ideologies, raising provocative questions about the usage of history and past in legitimising of such ideologies.

Рэст Хийемяэ

Non-places as sacred places / Не-места в роли священных мест

French anthropologist Marc Auge invented the term non-places, which means urban spaces of circulation, consumption and communication that exist beyond historical, symbolic and identity-related ties. The focus of my paper is on the question, in which cases and to what extent can such non-places at least temporarily become sacred places or spiritual spaces and therefore obtain spiritual, symbolic and identity-related content.